

БЫТЬ ПРИНЦЕССОЙ

Екатерина
Долгорукова

Мой муж –
Александр II

ЖИЗНЬ В ТЕНИ ИМПЕРАТОРА

Быть принцессой

Морис Палеолог

**Мой муж – Александр II. Жизнь
в тени императора (сборник)**

«Алисторус»

УДК 929 Александр II
ББК 63.3(2)51-8 Александр II

Палеолог М. Ж.

Мой муж – Александр II. Жизнь в тени императора (сборник) /
М. Ж. Палеолог — «Алисторус», — (Быть принцессой)

ISBN 978-5-906995-37-7

Впервые Екатерина Долгорукова увидела императора, когда ей было всего десять лет, возраст царя приближался к сорокалетнему рубежу. Девочка растрогала его своей непосредственностью, и государь расхохотался. С момента их первой встречи прошло чуть больше пяти лет, за которые девочка успела превратиться в юную красавицу. Встретившись случайно, княгиня и император уже не могли расстаться. Александр II, император, супруг и отец взрослых детей, был на 28 лет старше княжны Екатерины Михайловны Долгоруковой. Их роман длился много лет, а в 1880 году овдовевший император вступил в морганатический брак, узаконив их общих детей и повелев именовать любимую светлейшей княгиней Юрьевской. Впрочем, счастьем их не суждено было продлиться долго. Меньше чем через год после свадьбы, весной 1881 года, Александр II погиб от рук террористов, а светлейшая княгиня вынуждена была покинуть страну. Уже на склоне лет, на вилле в солнечной Ницце, Екатерина Михайловна решила написать мемуары. В предлагаемое издание вошли избранные дневники княгини, посвященные ее жизни при дворе Александра II.

УДК 929 Александр II
ББК 63.3(2)51-8 Александр II

ISBN 978-5-906995-37-7

© Палеолог М. Ж.

© Алисторус

Содержание

Морис Палеолог	7
Вступление	8
Глава I	14
Глава II	18
Глава III	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Екатерина Долгорукова
Мой муж – Александр II
Жизнь в тени императора

© Алабина А. А. (перевод), 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

Морис Палеолог Тайный брак императора

Вступление

Покушение 1 (13) марта 1881 года. – Мой приезд в Санкт-Петербург. – Торжественное погребение императора Александра II в соборе Петропавловской крепости. – Появление во время отпевания морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской. – Ее роль в жизни Александра II и политической жизни России

Это было в 1881 году. Я только что поступил в Министерство иностранных дел и, еще не сдав экзамена, был причислен к кабинету министра Бартеlemi Сент-Илера, переводчика Аристотеля и друга Тьера.

В воскресенье, 1 (13) марта, около семи часов вечера, когда я в качестве дежурного находился в комнате, смежной с кабинетом министра, один из чиновников секретного отдела принес мне с растерянным видом срочную телеграмму, только что им расшифрованную. Она гласила:

«С.-Петербург, 13 марта 1881 года.

Страшное несчастье постигло Россию. Император скончался в три с половиной часа пополудни, пав жертвой гнусного покушения. Его величество после парада и посещения великой княгини Екатерины возвращался домой, как вдруг брошенной бомбой была взорвана его карета. Император, оставшийся невредимым, хотел выйти из кареты, чтобы узнать, в чем дело. В это мгновение вторым взрывом ему раздробило ноги. Императора в санях довели до дворца, где он скончался час спустя. Я видел его на его смертном одре, окруженного потрясенной семьей.

Все население толпилось около дворца, выражая глубокую скорбь и сохраняя полное спокойствие.

Из сопровождавших государя один казак убит, пятеро ранено. Говорят и о других жертвах. На месте преступления во время взрыва произведено четыре ареста.

Генерал Шанзи».

Несколько часов спустя стали известны и все подробности покушения.

Французское общество было взволновано; печать, как это было и естественно, выразила отвращение, вызываемое у порядочных людей столь гнусным преступлением. Но и только.

В это время взаимоотношения между Россией и Францией не отличались особенной сердечностью. Франция еще не без горечи вспоминала о телеграмме 27 февраля 1871 года, в которой новый германский император, Вильгельм I, сообщая из Версаля своему царствующему племяннику о заключении предварительного мирного договора, писал: «Пруссия никогда не забудет, чем она Вам обязана. Да благословит Вас Бог!».

Правда, ни для кого не было тайной, что в 1875 году царь воспротивился тем воинственным замыслам, которые таил Бисмарк против Франции. Но с тех пор деятельность революционеров окружила имя Александра II страшными легендами; его представляли еще более деспотичным и беспощадным, чем его отца – жестокого самодержца Николая I.

Александр II (1818–1881 гг.) – император Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский (1855–1881 гг.) из династии Романовых.

«Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»
(Александр II)

За несколько месяцев до убийства важный инцидент до крайности обострил дипломатические отношения между Петербургом и Парижем, императорское правительство потребовало от нас выдачи анархиста Гартмана, обвиняемого в организации взрыва царского поезда на вокзале в Москве 19 ноября (1 декабря) 1879 года. Под влиянием наших прогрессивных партий французское правительство отказалось исполнить это требование, что вызвало гнев

Александра II. Русская печать выражала свое резкое неудовольствие, и русский посол, князь Орлов, внезапно уехал из Парижа, не простившись ни с президентом республики, ни даже с министром иностранных дел и аккредитовав письмом своего поверенного в делах.

Смерть Александра II ставила Европу перед рядом тревожных вопросов. Что произойдет в России? Является ли покушение 1 (13) марта вступлением к общему перевороту? Что одержит победу – консервативные или революционные силы? В случае вероятной сильной реакции не будет ли царский абсолютизм вынужден теснее сплотиться с германскими державами? Не грозит ли нам опасность возобновления направленного против Франции и заключенного в 1873 году знаменитого союза трех императоров?..

Бартелеми Сент-Илер желал как можно скорей получить ответ на эти вопросы. Он написал личное письмо по этому поводу нашему послу в России, генералу Шанзи, к которому он относился с глубоким почтением, и поручил мне доставить это письмо, дополнив его некоторыми устными пояснениями.

Во вторник, 3 (15) марта, вечером я выехал в Петербург.

На Северном вокзале я получил как бы первое предостережение о том, что меня ожидает в России. В зале для отъезжающих я прочел объявление, гласившее, что русская граница закрыта впредь до нового распоряжения, и что путешественники, направляющиеся в Россию, должны будут остановиться в Берлине. Мой дипломатический паспорт, однако, обеспечивал мне возможность доехать до Петербурга.

Экспресс был почти пуст. В нем было не более двадцати человек, в число которых входил великий князь Николай Николаевич, брат императора и бывший главнокомандующий русской армией во время Турецкой войны, его сыновья Николай и Петр, возвращавшиеся из Канн, их адъютанты и многочисленная прислуга.

В Берлине, куда мы прибыли на следующий день в 8 часов вечера, у нас была продолжительная остановка, во время которой великим князьям представлялись чины русского посольства в глубоком трауре и адъютант престарелого императора Вильгельма.

Поезд был подвергнут тщательному полицейскому досмотру, и, за исключением великих князей, их свиты и одного английского курьера, лишь я один получил разрешение следовать дальше.

На следующий день в 4 часа пополудни мы прибыли в Эйдкунен, где в поезд внесли множество сундуков и чемоданов военного образца. Немного времени спустя в Вержболово я увидел великих князей в военной форме выходящими из вагона с траурными нарукавниками на серых шинелях. Выстроившийся на перроне отряд солдат отдавал честь.

Несмотря на свой дипломатический паспорт, я был подвергнут тщательному допросу о цели моего путешествия. Жандармский офицер, производивший этот допрос, был изысканно любезен. Такому же допросу был подвергнут и английский курьер.

Я прошел в буфет выпить стакан чаю. В сумерках под тяжело нависшим небом вокзал производил мрачное впечатление. Перед каждой дверью стоял жандарм, вдоль железнодорожного полотна часовые, а кругом, в беспредельной туманной равнине, то там, то здесь появлялись казачьи патрули, охранявшие границу.

Через 24 часа мы прибыли в Петербург.

Петербург был совершенно терроризирован, – не только покушением, совершенным 1 (13) марта, но еще более слухами о силе и отваге революционеров.

На улицах можно было встретить лишь запуганных и растерянных людей. При встрече друг с другом они обменивались тревожными новостями, множившимися с каждым часом. Говорили о сенсационных арестах, о захвате оружия, взрывчатых веществ, об обнаружении тайных типографий, о революционных прокламациях, расклеенных в общественных местах и даже в Зимнем дворце, об угрожающих письмах, полученных высшими представителями

власти, об убийствах жандармских офицеров среди белого дня в центре города и т. п. Особенно были взволнованы только что опубликованным результатом расследования.

Распутывая нить заговора, полиции удалось обнаружить произведенный на углу Садовой и Невского подкоп, в котором была заложена адская машина, начиненная двумя пудами динамита.

Я направился прямо в посольство и тотчас же выполнил данное мне поручение. В тот же вечер за обедом у генерала Шанзи я познакомился с его главными сотрудниками: с его адъютантом подполковником Буадефром, советником посольства Терно-Компаном и самым блестящим из секретарей, успевшим уже составить себе литературное имя, – Мельхиором де Вопоэ.

В живой и интересной беседе, в которую генерал время от времени вставлял меткое слово, я впервые ближе ознакомился с Россией. Я не мог и желать лучшей подготовки к тому зрелищу похорон императора, свидетелем которого я должен был стать на следующий день.

В 9 часов утра мы собрались в посольстве в парадной форме, дипломатической или военной.

День был холодный; небо – безоблачно. Закованная в гранитные набережные Нева пышно раскинула свой ледяной убор. Когда мы вышли из посольства, луч солнца заблестел на золотом шпиле Петропавловской крепости, привлекая взоры к куполу собора и к бастиянам государственной тюрьмы.

С крепости раздались три пушечных залпа, и вслед за этим был поднят черно-желтый штандарт с императорским гербом. Зазвонили во всех церквях. Погребальное шествие двинулось по Адмиралтейской набережной.

Шествие открывал эскадрон кавалергардов. Вслед за ним, выстроившись в ряд, шла вереница церемониймейстеров, несущих царские регалии покойного самодержца: короны, скипетры, державы, знамена и гербы Москвы, Киева, Владимира, Новгорода, Смоленска, Казани, Астрахани, Сибири, Волыни, Херсона, Польши, Ливонии, Эстонии и Курляндии, Карелии, Финляндии, Грузии и т. д. Перед каждым гербом двое конюших на поводу вели бранного коня, покрытого черной попоной и несущего щит с гербом данной области. Вслед за ними престарелый князь Суворов нес на золотой подушке корону, сверкавшую брильянтами, рубинами и топазами. Он нес ее с трудом, так как она очень тяжела: это императорская корона России.

Так прошла передо мною в живых образах история русских монархов от Владимира Святого и первых московских князей до последних Романовых. И тут я впервые понял глубокий смысл того, что русские цари назывались «собирателями земли Русской».

Эту величественную картину дополняли представители трех главных сословий: дворян, купцов и крестьян.

Два взвода кирасир замыкали первую часть шествия.

После небольшого перерыва шли певчие с горящими свечами, а за ними духовенство.

Величественная процессия священнослужителей в ризах из черного бархата, расшитого серебром, производила глубокое впечатление. В суровых митрах и византийских ризах, наполовину скрывающих их руки и лица, митрополиты и архиереи казались движущимися иконами.

Вслед за ними следовала траурная колесница, запряженная восемью черными лошадьми в траурных пополах с белыми султанами.

Внутри колесницы по углам гроба стояли четыре генерал-адъютанта. Сам гроб покрыт был горностаевым, вышитым золотом покрывалом.

За гробом следовал император Александр III с непокрытой головой, крепкий и величественный, в Андреевской ленте через плечо. Его сопровождали великие князья.

Императрица Мария Федоровна со своими детьми, великими княгинями и придворными дамами следовали за гробом в траурных каретах.

Шествие замыкал отряд гвардейцев.

Мы с генералом Шанзи пошли прямо в собор крепости. Подошли мы к нему одновременно с траурной колесницей. Император и великие князья сняли гроб и на плечах понесли его к катафалку.

Вслед за этим в ярко освещенной церкви перед таинственно сверкающим иконостасом началась дивная зауспокойная литургия.

Императорская семья заняла место справа от катафалка.

Придворные чины, министры, генералы, сенаторы и высшие представители гражданской и военной власти стали в середине собора.

Иностранные послы, вместе с чинами посольств, заняли место за императором. Германию представлял генерал Швейниц; Австро-Венгрию – граф Кальноки; Англию – лорд Дюфрен; Италию – Нигра. Но и на этот раз лучше всех была представлена Франция. Своей внушительной внешностью, открытым и энергичным лицом, врожденным достоинством и изяществом манер, трезвостью своей речи генерал Шанзи блестяще олицетворял лучшие свойства французского характера.

Торжественное богослужение сосредоточивает мое внимание на усопшем, посиневшее лицо которого, освещаемое колеблющимся светом свечей, кажется трагическим: по православному обычаю гроб открыт.

Догадываясь о моих мыслях, Вopoз сказал мне: «Вглядитесь в этого мученика! Он был великим царем и был достоин лучшей судьбы... Он не был блестящим умом, но он был великодушным, благородным и прямым. Он любил свой народ и питал бесконечную жалость к униженным и оскорбленным... Вспомните о его реформах. Петр Великий не совершил большего... вспомните о всех трудностях, которые ему надо было преодолеть, чтобы уничтожить рабство и создать новые основы для сельского хозяйства. Подумайте, что тридцать миллионов человек обязаны ему своим освобождением... А его административные реформы! Ведь он попытался уничтожить чиновничий произвол и социальную несправедливость. В устройстве суда он создал равенство перед законом, установил независимость судей, уничтожил телесные наказания, ввел суд присяжных. А ведь он был непосредственным преемником деспотичного Николая I!.. В иностранной политике созданное им не менее значительно. Он осуществил замыслы Екатерины II о Черном море, он уничтожил унижительные статьи Парижского трактата; он довел московские знамена до берегов Мраморного моря и стен Константинополя; он освободил болгар, он установил русское преобладание в Центральной Азии... И, наконец, в самое утро своего последнего дня он работал над преобразованием, которое должно было превзойти все остальные и которое неминуемо вывело бы Россию на путь мирного западноевропейского развития: он хотел дать конституцию... И в этот день революционеры его убили! Как загадочно-странно перекрещиваются линии истории, и как издевается она над здравым смыслом. Освободитель американских негров Линкольн был также убит. А освобождение негров вызвало в другой части света освобождение крестьян. Александр II не хотел, чтобы Россия оставалась бы единственным христианским государством, в котором существовало бы рабство... Да, быть освободителем небезопасно!».

В это время хор начал петь «Вечную память». Вслед за этим священник прочел отпущение грехов и приложил ко лбу усопшего полоску пергамента с начертанной на ней молитвой.

Наступил момент последнего прощания.

Поднявшись по ступенькам катафалка с глазами, полными слез, Александр III склонился над гробом и запечатлел свой прощальный поцелуй на руке отца. Царица, великие князья и княгини последовали его примеру.

Вслед за ними послы с чинами посольства приблизились к гробу. Но в это время главный церемониймейстер, князь Ливен, попросил нас остановиться.

В глубине церкви из двери, ведущей в ризницу, вышел министр двора, граф Адлерберг, поддерживая хрупкую молодую женщину под длинным траурным вуалем. Это была морганатическая супруга покойного императора, княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, урожденная княжна Долгорукая.

Неверными шагами поднялась она по ступенькам катафалка. Опустившись на колени, она погрузилась в молитву, припав головой к телу покойного. Через несколько минут она с трудом поднялась и, опираясь на руку графа Адлерберга, медленно исчезла в глубине церкви.

Вслед за этим дипломатический корпус прошел мимо гроба императора. Когда настал мой черед, я заметил, что вся нижняя часть тела усопшего, изуродованная взрывом, скрыта пышной мантией, и что красная вуаль, закрывающая часть лица, скрывает две раны.

Из всех впечатлений, сохранившихся в моей памяти о моем первом пребывании в России, наиболее сильное было воспоминание о мимолетном появлении в соборе крепости княгини Юрьевской.

В течение следующих лет я видел ее несколько раз в Париже, где она вела обычную жизнь богатой иностранки. У нее не было никаких сердечных увлечений. Трое ее детей от Александра II, казалось, поглощали всю ее нежность. Она подолгу жила в Ницце, где и умерла 15 февраля 1922 года. Ее смерть была отмечена двумя-тремя газетными строками.

А между тем я знал, что ее личная жизнь была связана с большой политической тайной. Немногие в эту тайну посвященные ревниво ее оберегали или унесли с собой в могилу.

Отрывочные сведения, собранные мною во время моей службы в Петрограде, несколько писем, попавших в мои руки, и, наконец, откровенный рассказ лица, посвященного в эту тайну и доверившегося мне, дают мне возможность более точно определить то важное место, которое княгиня Юрьевская по праву должна занять в истории России.

Глава I

Княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. – Ее предки. – Поместье Тепловка. – Разорение и смерть отца. – Княжна Долгорукая поступает в Смольный институт. – Встречи в Летнем саду с Александром II. – От сострадания к любви. – Бабигонский бельведер. – Странная клятва. – Комната Николая I в Зимнем дворце. – Связь становится известной. – Екатерину Михайловну увозят в Неаполь.

Княжна Екатерина Михайловна была дочерью Михаила Михайловича Долгорукого и его супруги Веры Гавриловны, урожденной Вишневецкой. Родилась она в Москве 2 ноября 1847 года.

Отец ее, унаследовавший крупное состояние, вел беспечный образ жизни и жил то в Петербурге, то в Москве, то в своем большом поместье Тепловке, вблизи Полтавы. Род Долгоруких идет по прямой линии от Рюрика, Владимира Святого и великомученика Михаила, князя Черниговского. Дочь одного из предков Долгорукого, Мария, в 1616 году вышла замуж за Михаила Федоровича Романова, основателя династии Романовых.

В августе 1857 года император Александр II, приехав на маневры, остановился в Тепловке. Не желая быть навязчивой, вся семья переехала в один из флигелей.

Однажды после обеда царь со своими адъютантами сидел на веранде, когда мимо него пробежала маленькая девочка. Царь окликнул ее: «Кто ты? И что ты ищешь?».

– Я – Екатерина Михайловна, – пролепетала девочка, смутясь, – мне хочется видеть императора.

Это рассмешило государя. Он усадил ее на колени, поболтал с нею и затем велел отвести к родителям.

Увидев ее на следующий день, император был поражен ее прирожденной грацией, прелестными манерами и большими глазами испуганной газели. Изысканно-любезно, как будто бы она была придворной дамой, царь попросил ее показать ему сад. Они долго гуляли вместе. Она была в восторге. Воспоминание об этом дне прочно закрепилось в детской памяти.

Год спустя Александру II вновь пришлось вспомнить о ней. Князь Долгорукий, безвольный и привыкший к широкому образу жизни, увлекшись спекуляцией, потерял все свое состояние. Деловые заботы расшатали его и так подорванное здоровье, и он вскоре умер. Дабы ограждать семью от настойчивости кредиторов, царь принял Тепловку «под императорскую опеку» и взял на себя расходы по воспитанию шестерых оставшихся после смерти князя детей – четырех сыновей и двух дочерей.

Екатерина Михайловна и ее младшая сестра Мария поступили в Смольный институт, основанный Екатериной II в подражание Сент-Сирскому институту мадам де Ментенон. Великолепное по архитектуре здание этого Института благородных девиц раскинулось на воспетой Пушкиным Неве в том ее месте, где река делает крутой поворот. Начиная с Екатерины II все русские императоры и императрицы осыпали этот институт своими милостями. Они интересовались личностью воспитанниц, их работой и играми и часто посещали их.

Екатерина Михайловна Долгорукова (с 1880 г. – светлейшая княгиня Юрьевская; 1847–1922 гг.) – с 1880 г. вторая, морганатическая, супруга императора Александра II; до этого, с 1866 г. – его фаворитка

В этом аристократическом учебном заведении юные княжны Долгорукие скоро выделились своей красотой. Обе стройные и с правильными чертами лица, они олицетворяли два разных типа женской красоты. Лицо старшей, Екатерины, было как бы выточено из слоновой кости и обрамлено каштановыми волосами; младшая, Мария, пышущая здоровьем, обещала стать красавицей блондинкой. Александр II часто и охотно беседовал с ними. Но вскоре можно было заметить, что с особенным вниманием он относится к старшей.

В 17 лет Екатерина Михайловна окончила институт. Получая скромную пенсию, она поселилась у старшего брата, князя Михаила Михайловича, женатого на прелестной неаполитанке, маркизе Вулькано де Черчемаджиоре. Зимой они занимали квартиру на Бассейной, а летом жили в скромной даче в Петергофе.

Однажды весной Екатерина Михайловна в сопровождении горничной проходила по Летнему саду, покрытому еще снежным ковром. Она увидела императора, совершавшего свою обычную прогулку в сопровождении адъютанта. Государь подошел к ней и, не обращая внимания на прохожих, наблюдавших за ними, увлек ее в одну из боковых аллей.

Ласковыми, нежными и соблазнительными речами царь глубоко смутил и взволновал неопытную, наивную девушку. Она хотела просить его замолчать, но, смущенная, не находила слов, застревавших у нее в горле.

С этого времени встречи стали довольно часты то в Летнем саду, то в извилистых аллеях Елагина острова, а летом под тенью векового леса в окрестностях Петергофа. Но тщетно государь говорил ей всякий раз о своей большой, властной и мучительной любви – она оставалась холодной, далекой и замкнутой.

Потом, в течение нескольких месяцев, Екатерине Михайловне удавалось избегать встреч с царем. Но вскоре он снова добился их.

Впоследствии, когда случилось неизбежное, она с недоумением вспоминала об этом периоде своей жизни и часто говорила своему верному другу госпоже Ш.: «Не понимаю, как я могла противиться ему в течение целого года, как не полюбила его раньше».

Полюбила она его не сразу. Однажды при встрече с Екатериной Михайловной царь показался ей таким беспомощным и несчастным, что в ней пробудились жалость и сострадание. В этот день она нашла простые, но очень нежные слова, бальзамом пролившиеся на его истрадавшееся сердце. А когда они расстались, она упрекала себя в недостаточной нежности. Впервые со времени их знакомства она с нетерпением ждала следующей встречи.

При следующем свидании, лишь только их взгляды встретились, она вздрогнула от внезапного сердечного потрясения и как бы вся переродилась.

Наступил июль 1866 года. Двор, по обыкновению, находился в Петергофе в великолепном дворце, выстроенном на берегу Финского залива Петром Великим с тайным желанием затмить Версаль.

В конце парка, близ дороги, ведущей в Красное Село, возвышается павильон, украшенный колоннадой, нечто вроде бельведера. Этот бельведер, носящий имя Бабигона, был выстроен Николаем I в 1853 году для его супруги, императрицы Александры. Уединенный и окруженный зеленью и цветами, он господствует над волнистой поверхностью финских вод.

Здесь 1 (13) июля Екатерина Михайловна, взволнованная до потери сознания, отдалась не менее взволнованному императору Александру II. Расставаясь с ней и покрывая ее последними поцелуями, царь торжественно поклялся ей: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своею женой перед Богом... До завтра!.. Благослови тебя Бог».

С тех пор Екатерина Михайловна часто приходила в павильон.

Когда же пасмурное сентябрьское небо и холодные осенние дожди вынудили двор вернуться в столицу, то встречи юной княжны с ее августейшим другом стали еще более частыми.

Три-четыре раза в неделю она тайно являлась в Зимний дворец. Собственным ключом открывала она низенькую дверь и проникала в уединенную комнату первого этажа, выходящую окнами на площадь. Эта комната соединялась потайной лестницей с царскими апартаментами второго этажа. В течение тридцати лет Николай I занимал эту комнату и отсюда управлял великой империей. Мебель, портьеры, картины, книги – вся обстановка, среди которой неумолимый самодержец обдумывал свои деспотические планы, обратилась теперь в рамку любовных свиданий.

О связи скоро узнали. Но в петербургских салонах говорили о ней лишь полусшепотом и полусловами. Особа государя считалась священной, а вместе с тем управляемое графом Шуваловым Третье отделение имело повсюду уши, и сплетничать о личной жизни государя было далеко не безопасно.

Однако супруга старшего брата Екатерины Михайловны вскоре узнала, что в придворных сплетнях называют и ее имя, обвиняя ее в содействии сближению императора с молодой княжной и покровительстве этой связи. Возмущенная этой клеветой и боясь за будущность Екатерины, она решила увезти ее в Неаполь, где жили ее родные.

Случись это несколькими месяцами раньше, эта поездка могла бы иметь спасительное действие, но теперь она лишь разожгла страсть, тем более что возлюбленные ежедневно обменивались письмами.

Глава II

Чем объясняется любовь княжны Долгорукой к Александру II. – Обаятельность Александра II. – Чем объясняется любовь Александра II к княжне Долгорукой. – Роль женщин в жизни Александра II. – Первая любовь к Марии Гессенской. – Многочисленные любовные похождения. – Искренность чувства к княжне Долгорукой. – Отъезд княжны в Неаполь разжигает страсть

На первый взгляд эта сильная любовь между людьми, столь различными по возрасту и положению, может показаться непонятной.

Когда Екатерина Михайловна впервые принята в Бабигон, ей было только 17 лет, а Александру – 47. Он мог бы быть ей отцом и должен был ей казаться слишком старым.

Конечно, в ее глазах Александр был окружен таинственным и загадочным ореолом. Ведь он был императором, самодержавным царем всея Руси, помазанником Бога, неограниченным властелином величайшего в мире государства. Как могла она не поддаться очарованию блеска и пышности придворной жизни?

А русский двор никогда еще не блистал так ослепительно. Не говоря о величественной внешности императора и императрицы, вся царская семья должна была производить очень сильное впечатление. Редко приходилось встречать у ступеней трона такое большое количество выдающихся по красоте людей как цесаревич Александр, великий князь Владимир, великий князь Константин, великий князь Михаил, великая княгиня Елена, великая княгиня Ольга, великая княгиня Мария, великая княгиня Александра и т. д. Празднества справлялись с неслыханной роскошью и великолепием.

Английский посланник, лорд Лофтус, бывший свидетелем этого блестящего периода жизни двора, так описал эту жизнь в своих «Мемуарах дипломата»: «Двор блистает и поражает своим великолепием, в котором есть что-то напоминающее Восток. Балы с их живописным разнообразием военных форм, среди которых выделяется романтическое изящество кавказских одеяний, с исключительной красотой дамских туалетов, сказочным сверканием драгоценных камней, своей роскошью и блеском превосходит все, что я видел в других странах».

Теофиль Готье, посетивший Россию в 1865 году и удостоившийся приглашения на один из придворных балов, должен был исчерпать все богатство своего языка, чтобы описать это празднество. Чтобы получить общее впечатление, он наблюдал за балом с хор Георгиевского зала. Вот что он пишет: «Когда вы впервые вглядываетесь в эту ослепительную картину, вас охватывает головокружение. В сверкающей массе свечей, зеркал, золота, брильянтов, драгоценных камней, шелка трудно различить отдельные очертания. Затем глаз несколько привыкает к ослепительному блеску и охватывает гигантских размеров зал, украшенный мрамором и лепными украшениями... Всеми цветами радуги переливаются военные мундиры, расшитые золотом, эполеты, украшенные брильянтовыми звездами, ордена и нагрудные знаки, осыпанные драгоценными камнями. Одевания мужчин так блестящи, богаты и разнообразны, что дамам в их легких и изящных туалетах трудно бороться с этим тяжелым блеском. Не имея возможности превзойти мужчин богатством своих туалетов, они побеждают их своей красотой: их обнаженные шеи и плечи стоят всех блестящих мужских украшений».

Теофиль Готье набрасывает и портрет императора: «Александр II был одет в этот вечер в изящный военный костюм, выгодно выделявший его высокую, стройную и гибкую фигуру. Он был одет в белую куртку, украшенную золотыми позументами и спускавшуюся до бедер. Воротник и рукава были оторочены мехом голубого сибирского песца. Светло-голубые брюки в обтяжку, узкие сапоги четко обрисовывали ноги. Волосы государя были коротко острижены и хорошо обрамляли высокий и красивый лоб. Черты лица изумительно правильны и кажутся

высеченными художником. Голубые глаза особенно выделяются благодаря коричневому тону лица, обветренного во время долгих путешествий. Очертания рта так тонки и определены, что напоминают греческую скульптуру. Выражение лица, величественно-спокойное и мягкое, время от времени украшается милостивой улыбкой».

Могла ли княжна Долгорукая не быть покоренной этим величественным монархом, склонившимся перед ней?

И тем не менее, когда она согласилась прийти в Бабигон, ею руководили не тщеславные мечты, не пылкость воображения, но лишь голос ее сердца. Она отдалась не царю, но человеку.

И ее инстинкт не обманул ее. Александр Николаевич как человек в своей личной жизни обладал редкими достоинствами. Он отличался благородством, великодушием, спокойным мужеством, самообладанием, изяществом, тонкостью ума, изысканностью вкуса – он был джентльменом до мозга костей. И кроме всего этого, он был прекрасным собеседником и рассказчиком, полным юмора и веселья.

Можно ли удивляться, что Екатерина Михайловна боготворила его?

Но чем объясняется столь внезапное, страстное и постоянное чувство Александра II к семнадцатилетней девушке? Чем вызвана его клятва: «Увы, я сейчас не свободен. Но при первой возможности я женюсь на тебе, ибо отныне и навеки я считаю тебя своею женой перед Богом...»?

* * *

В жизни Александра женщины всегда играли большую роль.

Уже в 20 лет он пережил первое глубокое чувство.

В 1837 году по желанию Николая I он предпринял путешествие по Европе с образовательной целью. Он объехал Швецию, Австрию, Италию и подолгу задерживался в Берлине, Веймаре, Мюнхене, Вене, Турине, Флоренции, Риме и Неаполе. Из Неаполя через Швейцарию и Прирейнскую область он направился к своим родным в Штутгарт и Карлсруэ. Желая поскорее вернуться на родину, он захотел ускорить свою поездку в Лондон, последний этап его заграничного путешествия, и для этого решил сократить свой маршрут, вычеркнув из него мелкие столицы Германских союзных государств, такие как Дармштадт, Мекленбург, Брауншвейг и т. д. Престарелый великий герцог Гессенский Людовик II настоял, однако, чтобы Александр посетил его двор хотя бы на несколько часов. Молодой цесаревич вынужден был принять это предложение и нехотя прибыл в Дармштадт 12 марта 1837 года.

Это посещение сыграло большую роль в жизни Александра II. У Людовика II было четверо детей – три сына и одна дочь, которая была младшей в семье – в это время ей едва исполнилось 15 лет. Александр Николаевич страстно в нее влюбился.

В тот же вечер он сказал своим адъютантам – Орлову и Каверину: «Вот о ком я мечтал всю жизнь. Я женюсь только на ней». И он немедленно написал своим родителям, умоляя их разрешить ему просить руки принцессы.

Его ждали в это время в Лондоне, и он вынужден был прервать свое пребывание в Дармштадте. Но вскоре вновь туда вернулся.

Ответ родителей был малоободрительным. Ему было приказано как можно скорее вернуться в Россию; что же касается его брака, то этот вопрос нужно обсудить и во всяком случае отложить.

Тогда Александр решительно заявил Орлову и Каверину, что он скорей откажется от трона, чем от брака с принцессой Марией.

Вернувшись в Петербург, он подтвердил своим родителям непреклонность своего решения.

Портрет цесаревны Марии Александровны. Художник В. И. Гау. 1841 г.

«Мари завоевала сердца всех тех русских, которые могли познакомиться с ней. Саша [Александр II] с каждым днем привязывался к ней все больше, чувствуя, что его выбор пал на Богом данную. Их взаимное доверие росло по мере того, как они узнавали друг друга...»

(Ольга Николаевна, сестра Александра II)

Но суровый самодержец Николай I и его горделивая супруга были неумолимы. А так как отказ лишь возбуждал любовь царевича, то они не скрыли от него причину своего упорства.

Великий герцог Людовик II женился в 1804 году на принцессе Вильгельмине Баденской, которой было тогда 16 лет. От их брака родилось два сына – Людовик в 1806 году и Карл в 1809 году. Вскоре вслед за этим семейные нелады повлекли за собой полное отчуждение супругов,

что ни для кого не оставалось тайной. Великая герцогиня Вильгельмина вела самостоятельный образ жизни, и в Дармштадте открыто говорили о ее многочисленных сердечных увлечениях.

Весной 1823 года маленький Дармштадтский двор был взволнован известием о беременности великой герцогини. 15 июля того же года она родила третьего сына, принца Александра, который впоследствии стал родоначальником рода Баттенбергов. Охраняя честь своей короны и семьи, Людовик II признал ребенка своим сыном. Но все знали имя подлинного отца, хотя и не решались открыто его называть, столь низок был он по своему положению. На следующий год, 8 августа 1824 года, великая герцогиня произвела на свет другого ребенка от того же отца – принцессу Марию.

Раскрытие этой тайны, о которой говорили при всех немецких дворах, не поколебало ни чувств, ни решения цесаревича. «Что с того, – говорил он, – я люблю принцессу Марию, я женюсь на ней и скорее откажусь от трона, чем от нее».

Император Николай уступил. 16 апреля 1841 года в Зимнем дворце состоялось бракосочетание цесаревича Александра с принцессой Марией Гессенской. Несмотря на тайну, связанную с ее рождением, молодая царевна была приветливо встречена своей новой семьей и будущими подданными. По общему мнению, она была признана красавицей и прекрасно воспитанной. Несмотря на свою молодость, она проявляла всю серьезность своего характера; всей душой отдалась она делам благотворительности и восхищала Священный синод своим благочестием. При дворе ее упрекали лишь в суровости, замкнутости и в любви к этикету. Ее супруг осыпал ее знаками внимания и нежности.

При вступлении на престол 19 февраля (3 марта) 1855 года у них было шестеро детей. Но частая беременность (после вступления на престол императрица родила еще двух детей) подорвала ее здоровье. К тому же от природы она была не особенно сильной и с трудом переносила суровый петербургский климат.

Вынужденная по указанию врачей вести все более замкнутый образ жизни, она вскоре заметила, что император охладил к ней. Гордая, она молча страдала, продолжая, несмотря на переживаемое ею испытание, сохранять чувство благодарности к человеку, подарившему ей свою первую любовь и сделавшему из нее, незначительной принцессы, императрицу-повелительницу всея Руси.

А в это время у Александра II роман сменялся романом и увлечение увлечением.

Одно время казалось даже, что он захвачен серьезным чувством. Он увлекся молодой двадцатилетней девушкой, столь же замечательной своим умом, как и красотой, княжной Александрой Сергеевной Долгорукой – отдаленной родственницей Екатерины Михайловны. Как говорят, она послужила для Тургенева прототипом героини «Дыма». В 60-х годах, в эпоху великих реформ, она играла большую роль. Ясность ее ума и твердость характера часто заставляли Александра II настойчиво следовать по избранному им пути решительных преобразований. Ее называли «La grande Mademoiselle».

Внезапно, по неизвестной причине, эта связь оборвалась. Александра Сергеевна вышла замуж за старого генерала Альбединского, которого царь поспешил назначить варшавским губернатором.

За этим увлечением следовали другие, быстро сменяя одно другое.

* * *

Избалованный быстрыми и легкими успехами, Александр Николаевич был изумлен сопротивлением Екатерины Михайловны. Он не мог понять, как могла избегать его, царя-самодержца всея Руси, семнадцатилетняя девчонка. Как могла она оставаться непреклонной, несмотря на все его настояния. С непокорной он впервые встречался на своем жизненном пути, и это раззадоривало его.

Но наконец она сжалась над ним и пришла в Бабигон.

И тогда он испытал несказанное блаженство быть любимым не как царь, но как человек, быть любимым очаровательным и ласковым созданием, отдавшим ему свою душу и тело.

После нескольких месяцев блаженства ее отняли у царя: она уехала в Неаполь. Но он продолжал ее любить и ежедневно писал ей. Он, конечно, мог заставить ее вернуться и преодолеть сопротивление. Граф Шувалов и его агенты из Третьего отделения справлялись и с более трудными поручениями, остававшимися для всех тайной.

В это время за пределами России совершались важные события. Австрия потерпела поражение при Сadowой. Германский союз перестраивался под владычеством Пруссии. Положение Люксембурга таило близкое столкновение Франции и Германии. Восстание на Крите вновь ставило в порядок дня Восточный вопрос. Но и монархи – люди. Не всегда они носят короны на своих головах, не всегда «мысли об их подданных и о собственной славе» (слова Боссюэ) стоят в центре их внимания.

И теперь, несмотря на воинственный шум оружия, наполнявший тогда Европу, несмотря на тяжелые государственные заботы, в душе Александра II естественно росло и крепло чувство любви. Раздуваемое разлукой, воспоминаниями и мечтами, это чувство обращалось в лихорадочную страсть – исключительную, настойчивую, становилось неизлечимой болезнью, тем более страшною, что оно переживалось уже немолодым человеком. Великий мастер латинской элегии Проперций в классических словах сказал: «Поздняя любовь часто пылает жарким огнем».

И такая поздняя страсть всецело захватила Александра II; она обратилась в главный импульс его жизни. Она подавила обязанности супруга и отца: она оказала влияние при решении основных политических вопросов: она подчинила его совесть и всего его вплоть до его смерти.

Глава III

Приезд Александра II в Париж в 1867 году. – Покушение Березовского. – Визит императрицы Евгении. – Княжна Долгорукая приезжает в Париж. – Возвращение княжны Долгорукой в Петербург. – Княжна Долгорукая повсюду следует за царем. – Император Александр II посвящает княжну во все политические тайны. – Пребывание в Эмсе в июне 1870 года; тайное соглашение Пруссии и России на случай франко-германской войны. – Приезд Тьера в Петербург после Седанского разгрома

В июне 1867 года, уступая настойчивым приглашениям Наполеона III, Александр II посетил всемирную выставку. В сопровождении своих сыновей, великих князей Александра и Владимира, император Александр II прибыл в Париж в субботу, 1 июня, и остановился в Елисейском дворце.

На следующий день Александр II присутствовал на скачках, после чего обедал в Тюильри. 3 июня было посвящено отдыху. 4-го царь посетил торжественное представление в опере. 5-го, во время посещения Sainte Chapelle, группе французских адвокатов пришла в голову «блестящая» мысль крикнуть царю прямо в лицо: «Да здравствует Польша!». В четверг, 6-го, состоялся военный парад в Лоншане, на котором присутствовал и прусский король. Когда Александр возвращался с парада, польский эмигрант Березовский два раза выстрелил в царя, ехавшего в карете с Наполеоном III, – оба раза промахнувшись. Монархи отнеслись к покушению совершенно спокойно.

Годом раньше Александр II так же спокойно встретил выстрел Каракозова. Это спокойное мужество, столь часто проявляемое Александром II, не стоило ему никаких усилий, оно было природным и поддерживалось фатализмом и верой в Бога. Поэтому он был очень изумлен, когда по возвращении в Елисейский дворец ему сообщили о прибытии императрицы Евгении.

Несчастливая императрица была потрясена, и у нее дрожали руки. Французская империя переживала тогда тяжелые дни. Роскошь всемирной выставки никого не вводила в заблуждение. Снаружи и внутри здание императорской Франции давало повсюду трещины. В эти июньские дни 1867 года известия, полученные из Мексики, не оставляли никакого сомнения в неизбежности предстоящей катастрофы. Император Максимилиан был уже окружен в Кверетаро; со дня на день ждали известия о его гибели. Не меньше беспокойства внушала и Германия. Все это заставляло Наполеона III придавать особое значение посещению царя. Он надеялся очаровать своего гостя, рассеять его неудовольствие, вызванное политикой Франции в польском вопросе, и склонить его на свою сторону, чтобы задержать быстрый рост влияния Пруссии в Европе. Посещение царя, омраченное с самого начала оскорбительным возгласом в Sainte Chapelle, теперь заканчивалось покушением на убийство. Императрице Евгении было отчего волноваться. Она, однако, совершила свою обычную ошибку, послушавшись первого порыва своей экспрессивной натуры. Когда царь к ней вышел, с ней случился нервный припадок. Великие князья Александр и Владимир уложили ее на диван, а император, взволнованный, позвал на помощь. Внезапно императрица поднялась, знаком объяснила, что она не может говорить, и быстро уехала, не проронив ни слова.

В последующие дни возобновились балы и празднества, но они плохо клеились. Боясь новых покушений, старались ускорить отъезд Александра II из Франции.

С обычной любезностью Александр II продолжал выражать искреннее удовлетворение приемом и окружавшими его знаками внимания. Однако он бывал часто рассеянным, и его взор проявлял какую-то тревогу.

Французская полиция, конечно, хорошо знала, чем вызывалась тревога царя.

После шестимесячной разлуки Екатерина Михайловна приехала в Париж.

Она поселилась в скромной гостинице на улице Басс-дю-Рампар. Всякий вечер она приходила в Елисейский дворец через калитку на углу авеню Габриель и авеню Марины.

Александр II проводил с нею все время, свободное от официальных приемов и празднеств. И в тенистом саду Елисейского дворца, где некогда любила гулять м-м де Помпадур, куда прибыл непосредственно после Ватерлоо Наполеон I, где он впервые осознал беспредельность своего крушения и пережил ужас безрадостного будущего, в этом саду царь вновь подтвердил свою клятву, данную им в Бабигоне: «При первой возможности я женюсь на тебе, ибо навеки считаю тебя женой своей перед Богом».

Он сделал ей еще одно лестное для нее признание:

«С тех пор, как я полюбил тебя, другие женщины перестали для меня существовать... В течение целого года, когда ты отталкивала меня, а также и в течение того времени, что ты провела в Неаполе, я не желал и не приблизился ни к одной женщине».

* * *

С этих пор их связь окончательно упрочилась.

В Санкт-Петербурге Екатерина Михайловна вновь поселилась у своего брата, но на этот раз в чудесном особняке на Английской набережной. Она заняла первый этаж особняка, имея отдельную прислугу и свой выезд. Это позволило ее брату Михаилу Михайловичу Долгорукому с большим достоинством выполнять ту трудную и двусмысленную роль, которую он должен был играть в качестве брата фаворитки.

Во время пребывания царя в Царском Селе, в Петергофе и в Ливадии Екатерина Михайловна жила в этих местах на даче.

В Зимнем дворце бывший кабинет Николая I вновь открыл свои гостеприимные для них двери.

В Царском Селе они встречались в маленькой комнате, расположенной в конце флигеля, выходящего на цветник Екатерины II. Обстановка комнаты была более чем скромная; комната, освещаемая одним окном, выходила непосредственно в прихожую личных апартаментов царя; в ней стояла лишь кровать, два стула, стол и туалетный столик.

В Петергофе свидания происходили в дорогом для них Бабигоне.

В Ливадии, где в то время царский дворец состоял лишь из скромного деревянного домика, Александр II приходил на дачу Екатерины Михайловны.

* * *

Вся поглощенная своей любовью, Екатерина Михайловна вела скромный и замкнутый образ жизни.

Она никогда не присутствовала на званых обедах, не ездила в театр. Она посещала лишь те балы, на которых бывал и император, так как она великолепно танцевала, и смотреть на ее танцы доставляло ему большое наслаждение.

Александр II назначил ее фрейлиной императрицы, дабы она могла бывать при дворе и украшать своим присутствием торжественные приемы. Покинутая царица высокомерно-сухо и с холодной улыбкой приняла приветствия своей молодой соперницы. Она сильно ошибалась в оценке новой измены своего супруга, видя в ней лишь обычное увлечение, которое скоро ему надоест. Да и могла ли она думать иначе? Ее гордость и прямота, воспоминания взаимной любви, все это ей мешало почуять страшную клятву, данную Александром II в Бабигоне: «При первой возможности я женюсь на тебе». Возможность эта заключалась в ее смерти!

Частые встречи возлюбленных наполняли их редким счастьем. Александр Николаевич сумел создать из неопытной девушки упоительную возлюбленную. Она принадлежала ему всецело. Она отдала ему свою душу, ум, воображение, волю, чувства. Они без устали говорили друг с другом о своей любви. «Любовники потому никогда не скучают, – писал Ларошфуко, – что они всегда говорят о самих себе».

Однако скоро и политические вопросы стали предметом их бесед. Они занимали слишком большое место в жизни царя, возбуждали слишком много его забот, чтобы он мог замалчивать их перед Екатериной Михайловной. Александр II с наслаждением посвящал ее в сложные государственные вопросы, верховным судьей которых он был. Мало-помалу он начал с ней советоваться обо всем, не принимая без нее ни одного важного решения. Он говорил с нею о самых разнообразных делах, об общем управлении империей, о дипломатических переговорах, об административных реформах, об организации армии, полиции, о работах министров, о повышении по службе, о наградах, выговорах, придворных интригах, о спорах и неладах в царской семье, обо всем том, что, благодаря самодержавию, тяжелой ношей ложилось на его плечи. Обладая ясным умом, трезвым взглядом и точной памятью, Екатерина Михайловна без труда принимала участие в таких беседах. Иногда даже метким замечанием она помогала государю найти правильное решение.

Самой большой услугой ее было, однако, то, что царь при ней мог думать вслух.

Глубокое сознание своей власти и своей ответственности заставляло Александра II замыкаться в себе. Он подолгу совещался со своими министрами, он требовал от них полной искренности, вызывая часто их на возражения. Но никогда не позволял он им принимать самостоятельные решения. Он боялся унизить себя в их глазах, открыв им свои сомнения, тревоги, всю предварительную работу, предшествующую окончательному решению. И это окончательное решение он высказывал им как проявление его самодержавной воли.

В противоположность этому с Екатериной Михайловной он мог обсуждать эти вопросы без боязни. Ей он доверял вполне. Он понимал, что она существовала только для него, и что за ее спиной не таилось никаких интриг. Никто никогда не узнавал, о чем они говорили друг другу. И при всяком трудном политическом вопросе, волновавшем царя, он вместе с нею находил правильное решение. Уже одно то обстоятельство, что он мог свободно высказываться, давало ему возможность находить более отчетливое решение вопросов.

* * *

Скоро свидания с Екатериной Михайловной обратились для Александра II в необходимость. Он хотел, чтобы она его повсюду сопровождала, в частности, в его ежегодных поездках на воды в Эмс.

Император со своей свитой занимал отель «Катр-Тур», а княжна Долгорукая и сопровождавшая ее госпожа Ш. останавливались в соседней вилле «Petit Elisée». В июне 1870 года на этой вилле Екатерина Михайловна была посвящена в государственные тайны, за которые дорого бы заплатило французское правительство.

Я имею в виду важные переговоры, которые происходили в то время между Александром II, Вильгельмом I, князем Горчаковым и Бисмарком.

Александр II и кайзер Вильгельм. Берлин.

6 сентября 1872 года произошла встреча трех императоров: Вильгельма I, Франца Иосифа I и Александра II. Государи обещали друг другу, что никакие разногласия не одержат вверх над соображениями высшего порядка, и обещали поддержать мир в Европе. Встреча заложила основы так называемого «Союза трех императоров»

Августейший друг Екатерины Михайловны объяснил ей всю запутанность европейского положения. Он рассказал о неизбежности военного столкновения и вытекающей отсюда необходимости для России возобновить свой союз с Пруссией, обеспечив России некоторые преимущества на Востоке.

Месяц спустя, когда кандидатура Гогенцоллерна сыграла роль спички в пороховом погребе, Александр сказал Екатерине Михайловне: «Видишь, я был прав!.. Вина Франции несомненна».

Его уверенность несколько изменилась после Седана. Внезапное крушение императорской Франции, победоносное шествие германской армии к Парижу, бешеное развитие германского национализма, неожиданное и чрезмерное усиление Пруссии заставили его задуматься. Несмотря, однако, на все это, его личные симпатии оставались на стороне его дяди Вильгельма, и он их открыто проявлял. К тому же царь считал себя неразрывно связанным с Пруссией Эмским соглашением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.